

МИР ЮНОСТИ, ГЕОЛОГОВ И УЧЕБЫ

В первый же год после окончания средней школы большой компанией выпускников поехали в г. Владивосток поступать в высшие учебные заведения.

Во Владивостоке Юра Вторушин с Олегом Фоминым и еще двумя ребятами жили на квартире на остановке трамвая № 4 – «Борисенко». Меня и Сашу Беспалова устроили в общежитии на Эгершельде его родственники.

Олег и Юра поступали в Политехнический институт. Я поступал на специальность «океанология» в Дальневосточный государственный университет (ДВГУ), Саша – в медицинский институт. С первого раза из нас поступил только Юра, но институт он бросил, т. к. не захотел один оставаться во Владивостоке без друзей, и ушел в армию.

По возвращении из Владивостока Б. М. Барсов устроил меня на работу в Паратунскую гидрогеологическую партию рабочим 2-го разряда в Отряд опробования.

Впервые в жизни (3 сентября 1967 г.) вышел на работу с одним из сотрудников отряда. Мы обошли всю Паратунскую тундру – измерили температуру, давление и расход термальной воды где-то на 10 скважинах. Давление измеряли обычным манометром, а расход воды оценивали, наливая полную емкость (известного объема) за определенное время, которое определяли по секундомеру.

Работа в отряде была несложная, только приходилось много ходить от одной скважины к другой. В день иногда проходил пешком до 30 км. Никто не контролировал. Можно было записать фиктивные данные и никто бы не узнал об этом. Но за год работы в экспедиции я ни разу не воспользовался этой возможностью и регулярно посещал все скважины, не пропустив ни одной. Мне нравилась работа.

В зимнее время иногда к концу дня купался в какой-нибудь емкости, предварительно набросав туда снега, таким образом охлаждая горячую термальную воду. Когда хотелось пить – пил ту же термальную воду. Другой не было. Обед брал сухим пайком (бутерброды).

Иногда приходилось участвовать в аварийных работах – обычно устанавливать новые задвижки на скважины. Уже прошло много лет, но помню названия этих скважин – ГК-1, ГК-2, ГК-3... ГК-7, ГК-8 и так далее (и где они расположены).

В поселке геологов меня поселили в экспедиционном балке вместе со сменным буровым мастером Иваном Бесовым. Он был из Белоруссии. Мы занимали с ним одну половину балка. Не ссорились. В другой половине обитали два сварщика – люди нужной и уважаемой среди гидрогеологов профессии.

Отопление в балках устроили термальной водой – жилось очень тепло (вода убаюкивающе журчала в трубах). Питались в столовой, расположенной в 50 метрах. Каждый вечер я занимался – готовился к вступительным экзаменам в университет. Исключений, чтобы отступить от графика подготовки, почти не имелось. К маме в Елизово ездил довольно редко.

Вечерами молодежь иногда собиралась в столовой-клубе. Немного танцевали. Слушали магнитофонные записи певцов-бардов – Владимира Высоцкого, Юрия Кукина, Евгения Клячкина и других. В основном, собирался инженерно-технический состав.

Меня очень тянуло к геологам, но, что интересно, почему-то не появлялась мысль получить эту профессию.

Запомнились праздники – Седьмое ноября, Новый год, День геолога, Первое мая. Их я отмечал вместе с геологической молодежью. Купание в бассейне с термальной водой являлось обязательной составляющей всех праздников (рядом с бассейном часто устанавливали небольшой стол с выпивкой и закусками). К бассейну подъезжали на вездеходе.

Перед праздником обычно отправляли «гонца» в Петропавловск за сухим вином. Гонец привозил две 10-литровых канистры белого сухого вина. Его продавали на разлив в магазине на ул. Виллюйской. Если не изменяет память, то цена его была 1 рубль 30 копеек за литр. Собиралась компания 8–10 человек. Много разговаривали. Очень пьяных не наблюдалось. Сидели всю ночь. Я в основном слушал.

Больше всех сдружился с Ларисой и Алексеем Ворожейкиными, Валентиной Смирновой. Вечерами иногда заходил к ним в гости. У Ворожейкиных имелось много книг, и я регулярно брал их читать. По существу, в их библиотеке открыл для себя Александра Грина. У них впервые увидел его собрание сочинений в 6 томах издательства «Огонек» за 1961 год.

Несмотря на то, что читал А. Грина и раньше, до работы у геологов, по-настоящему понял и влюбился в него, только прочитав рассказы.

Я так влюбился в Грина, что просто бредил им. Мне очень хотелось купить его собрание сочинений, но в те времена это сделать не представлялось возможным – вся страна записалась в «книголюбы».

Алексей Ворожейкин, видя мое отчаянное состояние, предложил мне выход – он указал мне место, где уже два или три года валяется собрание сочинений А. Грина. Это был чердак дома начальника партии В. Ф. Винокура.

Ночью я залез на чердак и действительно нашел там 8 книг А. Грина. Больше там ничего не было. Я собрал себе собрание сочинений без одного, первого, тома, а оставшиеся три разрозненных тома подарил потом Юре Вторушину. Первый том А. Грина из собрания сочинений 1961 г. добыл только 7 лет спустя.

На чердак В. Ф. Винокура я навещал еще два раза – у меня все еще теплилась надежда найти в мусоре первый том, но она не оправдалась. Иногда мне кажется, что меня опередил Алексей Ворожейкин. Всю свою жизнь с благодарностью вспоминаю его дельный совет.

В начале июня 1967 г. молодежь Паратунской ГРП совершила восхождение на Виллючинский вулкан. Нас было 12 человек. Обернулись за три дня. Восхождение прошло успешно. Снял на кинокамеру фильм о походе на вулкан (он и сейчас у меня).

Естественно, за зиму я сделал фильм и о работе геологов. Этот фильм также еще сохранился. В отрогах вулкана убил первого и последнего в своей жизни зайца – больше в природе они мне не попадались.

В середине июня пришла повестка в армию. Регулярно стал являться по вызову в военкомат, но меня и нескольких человек оставили «до особого распоряжения», а может быть, до осеннего призыва.

Юру Вторушина и Олега Фомина забрали в армию. Перед отъездом Юра сказал мне, что в Петропавловск приехала выездная приемная комиссия из Дальрыбвтуза (г. Владивосток) и есть прием на специальность «ихтиология и рыбоводство». Это, конечно, было немного не то, что хотелось, но выбора у меня не оставалось.

Я быстро сдал вступительные экзамены, причем, на пятерки. Видимо, дало результаты мое систематическое самообразование и зимняя самоподготовка у геологов.

Пошел в военкомат, показал справку о поступлении и сдаче экзаменов в Дальрыбвтуз. Мне вернули приписное свидетельство. К 1 сентября приехал во Владивосток, где был зачислен на первый курс и отправлен в колхоз копать картошку.

В Любу Куканову я влюбился уже после окончания школы, весной, когда работал в Паратунской ГРП, не поступив в первый раз в ДВГУ. Приехал в Елизово, на медицинскую комиссию в военкомат, увидел на улице – и влюбился.

Люба закончила школу раньше меня на год. В школе ее видел, но никаких чувств раньше не возникало.

Отношения у нас сложились чистые и целомудренные. Поцеловались мы с ней только накануне моего отправления в армию. Хорошо помню, что ее мама на меня косо смотрела – чем-то мой облик ей не понравился.

Люба поступала в педагогический институт, а я был отпущен «до особого распоряжения» и сдавал экзамены в Дальрыбвтуз. В общем, мы с ней летом почти не виделись.

Накануне своего отъезда во Владивосток пошел на танцы в Дом культуры, где была в это время Люба. Мы с ней простились, договорились переписываться, и я пошел домой, т. к. на следующий день улетал. Когда шел

через парк, на меня напали какие-то ребята и побили. Думаю, что это были Любины поклонники. С двумя синяками под одним глазом и приехал во Владивосток.

С Любой мы не переписывались. У меня даже не было ее фотографии. Когда приехал на Камчатку после окончания института, Люба была уже замужем, имела детей.

Люба Куканова (по мужу – Мельник) после окончания института многие годы работала в средней школе, преподавала русский язык. Последний раз встречал ее в феврале 1998 г. на 90-летнем юбилее Елизовской школы № 1 им. М. В. Ломоносова. Наша встреча прошла тепло и искренне. Юность – это юность!!!

Учиться первые два курса в Дальрыбвтузе было очень тяжело – у меня отсутствовали способности к математике, химии, физике и другим точным наукам. Дважды заваливал химию и дважды математику, но всегда все пересдавал с первого раза. На третьем курсе, со второго семестра, стало учиться намного легче.

В институте с первого курса начал заниматься в Краевом доме физкультуры классической борьбой. Там получил первый разряд. Боролся в весе до 82 килограммов. В 1970 г. стал чемпионом Владивостока на 25-ю годовщину Победы над Германией. За эту победу мне присвоили звание кандидата в мастера спорта. Но вскоре бросил борьбу, т. к. перешел в другую, более высокую весовую категорию, где шансов на успех у меня не имелось.

Первые два курса прожил на квартире. В первый год – у своей крестной матери Варвары Константиновны Слободчуковой на 1-й Речке, а на втором курсе – на другой частной квартире у медицинского института.

Моя мама, получив пенсию, уехала с Камчатки и одну зиму провела вместе со мной во Владивостоке. Осенью 1969 г. она переехала в с. Тихменево, где в отчем доме жил ее брат Дмитрий Тронь. Там она купила небольшой домик.

Пока вместе находились во Владивостоке, мама стала шить сарафаны (без претензий на моду) для пожилых женщин и очень дешево их продавала на «толкучке». Так, например, если на один сарафан уходило материи на 4 рубля, то она его продавала за 8. На толкучку она ходила в субботу и в воскресенье. Выручка за торговый день колебалась от 15 до 30 рублей (прибыль составляла 50 % от выручки).

Все годы, пока учился в институте, отец высылал мне 50 рублей в месяц. Первые годы 10–15 рублей с пенсии добавляла мама. Стипендию в размере 40 рублей начал получать только с 3-го курса.

На 3-м курсе мне, наконец, дали место в общежитии Дальрыбвтуза по ул. Луговой, 52, где я и прожил до окончания института.

В комнате № 501 нас обитало четверо: ихтиологи из нашей группы – Анатолий Великанов, Владимир Винокуров, я и еще один парень – технолог. В связи с тем, что ребята-технологи часто менялись, не помню их имен и фамилий.

Жили мы дружно. Вечерами всегда готовили ужин. Соблюдали чистоту в комнате. Всегда в 24 часа тушили свет. Кто хочет читать позже – пусть читает в бытовке. Володя Карпенко из нашей группы проживал в другой комнате. Остальные ребята из группы были владивостокские или снимали квартиры. Напротив комнаты № 501 поселили четырех девочек, тоже из нашей группы – Людмилу Анненкову, Ларису Бельды, Елену Коваль и Ирину Владыко (Коновалову).

Впервые увидел ее в мае 1969 г. на пляже «Динамо» во Владивостоке – она была высокая, загорелая, в оригинальном самодельном полосатом купальнике. Очень шустрая. Со всеми вокруг общалась.

Прежде, чем познакомились, встречались на пляже несколько раз. Я ходил на пляж каждый день в надежде увидеть ее. Как-то ее не было несколько дней. Затем она появилась, сама подошла, сказала «привет»,

и предложила познакомиться. Ее звали Таня Скворцова. У нее был старший брат Александр, которым она очень гордилась. Он внешне очень походил на Алена Делона в фильме «Искатели приключений».

Таня жила без отца, с мамой Анной Васильевной и братом. Анна Васильевна работала санитаркой в краевой больнице. Жили они все в одной комнате (6 x 6 м) в двухэтажном доме в районе Клуба им. В. И. Ленина. Анна Васильевна любила пропустить рюмочку и отличалась исключительным хлебосольством – только зайдешь в комнату, тут же усаживала за стол.

С Татьяной мы сразу же стали близки. Несколько месяцев у нас все складывалось хорошо. Но затем после праздника 7 ноября 1970 г. у нас все изменилось. Татьяна не захотела больше со мной встречаться. Безо всяких объяснений.

Пытался несколько раз поговорить с ней, но она меня избегала. В общем, оставался один до тех пор, пока не победил в соревнованиях на первенство Владивостока по классической борьбе на годовщину 25-летия Победы над Германией. Она меня отыскала сама в апреле в Краевом доме физкультуры. И опять все шло прекрасно... целый месяц. Потом она вновь исчезла.

В июле 1971 г. уезжал на практику на Камчатку. В последние дни перед отъездом Татьяна появилась опять. Подтвердила свою любовь... и я, в хорошем настроении, поехал.

В июле-сентябре проходил практику на Ушковском рыболовном заводе, принадлежащем Камчатрыбводу. В конце сентября вернулся во Владивосток.

Татьяна встретила меня ласково. Сказала, что беременна – уже четвертый месяц, и нам надо расписаться. Я не возражал. Она быстро договорилась в ЗАГСе, и мы расписались. Вечером в комнате у Анны Васильевны состоялось застолье, на которое я пригласил своих ребят по комнате в общежитии.

Когда около часа ночи все разошлись, Татьяна сказала, что сегодня мы будем спать вместе в одной постели, а завтра я должен уйти в общежитие навсегда. Она любит другого человека и вышла за меня, чтобы родился законный ребенок.

Я развернулся и ушел. Проснулся на полу в своей комнате в спальном мешке. Помню, пил ром «Пуэрто рико» – 70-градусный. Через три дня она отыскала меня и попросила прийти к Анне Васильевне домой поговорить.

Пришел. Принес ром «Негро» – 40-градусный. Мы были близки последний раз. Понял, что это все. Больше в отношении Татьяны не строил никаких планов и иллюзий. Мне стало легко...

Стал по субботам и воскресеньям ходить на танцы в Дом культуры им. В. И. Ленина на остановке трамвая «Авангард». Познакомился по очереди с несколькими девушками, но после двух-трех свиданий отношения у нас не развивались.

27 февраля 1972 г. Татьяна родила сына. Назвала его Александром в честь брата. Сразу же после рождения Александра она подала на алименты, и теперь из 40 рублей стипендии ежемесячно 10 рублей перечисляли Татьяне.

Через 6 месяцев Татьяна организовала развод. Нас развели через суд. Процесс закончился за 7–8 минут. Никто из нас не возражал. Из государственной пошлины в размере 50 рублей я заплатил 15, остальное – Татьяна.

Уже на 5-м курсе влюбился во второкурсницу с технологического факультета Ольгу Голованову. Она жила через две комнаты на том же этаже в общежитии, где и я. Мы дружили несколько месяцев, но потом Оля не захотела со мной встречаться. Ее мама узнала, что я плачу алименты, и повлияла на нее, чтобы она «порвала» со мной отношения.

Потом еще появлялись девушки – из Дома культуры и другие... Но это уже совсем другая история...